

Нэт Бояр

Грань
Петра Вины

Осколки паряги шепчут о забытой бори

Нэт Бояр

Грань. петля вины

«Литнет»

2025

Бояр Н.

Грань. петля вины / Н. Бояр — «Литнет», 2025

После невыносимой потери они бегут от мира в тихий, заброшенный уголок, надеясь найти уединение и исцеление. Но тишина здесь обманчива. Она полна скрипов на ступенях, в доме, где никто не ходит, шёпота в пустых комнатах и детского плача, доносящегося из подвала. Стены этого дома помнят всю старую боль. И теперь они жаждут новых. Чтобы выжить, им предстоит понять, что страшнее: призраки, населяющие это место, или бездна их собственного отчаяния, в которую они смотрят каждую ночь.

© Бояр Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Есть места, которые ...	5
Глава 1. Дом в деревне «Журавли»	6
Глава 2. Голоса из-под половиц	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Есть места, которые ...

Есть места, которые не отмечают на картах. Они не приносят урожая и не сулят богатства. Они рождаются из тишины, что гуще крика, и из боли, что острее ножа. Таким местом была деревня «Журавли». Это шрам на теле мира, скопление покосившихся домов-скелетов, выцветших под бесконечными дождями. Кажется, что сама природа отвернулась от этого места, оставив его на произвол судьбы

Сюда не ведут дороги, они здесь заканчиваются. Упираются в стену леса, изгибаясь и растворяясь в болотистой хмари, что повисла над полями, тихо умирая от непереносимой тяжести. Каждый шаг по этой гиблой земле звучит угрожающим предвестием зловещих событий. Местные, если их можно так назвать, давно смирились. Они ходят безжизненными телами, обмякшими под бременем существования. Они не улыбаются и не смотрят в глаза. Их взгляды пусты. Они просто ждут. Ждут, когда ветер окончательно съест краску с их стен, а время здесь лишь последнее воспоминание их души, угасающее и умирающее в тишине.

Говорят, что «Журавли» не просто место. Оно – состояние, противное человеческому существованию. Последний приют для тех, кого отринула жизнь, чьё горе стало слишком тяжёлым, чтобы нести его по светлому миру. Оно как больной зуб: не болит постоянно, но ноет на смену погоды, напоминая о неизбежном конце, насмешливо и жестоко. Внутренняя боль становится частью их повседневной реальности, создавая ощущение, будто тень собственных страхов таится за каждым углом.

Самое страшное, что деревня «Журавли» не отпускает. Можно сесть в машину и усердно давить на газ, внимая стуку сердца, как ритму последнего испытания. Однако это всё скудные попытки уставшей души зажатой в тисках неминуемой судьбы. Дорога здесь одна, выходящая сквозь неживую природу, и она выведет тебя к твоему дому.

Деревня это не точка на карте. Это ловушка для души. Орды призрачных сияний, обитающих в темноте, ожидающие своего часа, когда несчастные души, заблудившиеся в собственной невыразимой боли, наивно приплывут в эту бездну. И тот, кто однажды попал сюда, уже никогда не умрёт по-настоящему. Он просто станет ещё одной тенью, ещё одним шёпотом в ночи, ещё одной каплей отчаяния в бездонном океане этого места...

Они не знали этого. Дмитрий и Вера. Они ехали сюда как в убежище, надеясь спрятаться от невыносимой боли, что разъедала их изнутри. Они искали тишины.

Но тишина деревни иная. Она живая. Она дышит, как если бы мир вокруг был живым существом, хранящим свои тайны в засушенных корнях дерева. И у неё свой голос, непередаваемый словами. Свой аппетит, жаждущий поглотить новые души в хмурой ночи, выедавая самое светлое, оставляя лишь мрак – то самое ничто, что способны чувствовать те, кто стал частью этого безумия. И она уже ждала их...

Глава 1. Дом в деревне «Журавли»

Дмитрий и Вера ехали в тишине. Она была не просто некомфортной, а давящей, как туман, который стелился по краям старой грунтовки. Их старый седан плыл по этой колее, будто по руслу мёртвой реки. Берёзы по бокам смыкались всё теснее, как стены гигантской ловушки, готовой захлопнуться в любой момент. Ссора, которая совсем недавно разъедала их отношения, теперь превратилась в молчаливую боль. Они не ссорились, у них не осталось на это сил. Пустота в детской комнате была ярче любого крика, а боль стала единственным общим языком. Вера наткнулась на название «Журавли» на затёртом форуме о местах, где время останавливается, так гласила реклама. Именно этого они искали: мгновения, когда мир вокруг замирает, когда можно забыть о будущем, в котором их сына больше нет.

Механический голос навигатора прорезал трёхчасовую тишину, тяжёлую и липкую, точно смола, которая покрывала салон их потрёпанной машины. «Через двести метров поверните направо», – произнёс электронный тембр, и Вера вздрогнула, как будто её окликнули из другого мира. Пальцы судорожно сжались на коленях, обручальное кольцо блеснуло тусклым золотом в сером свете пасмурного дня. Дмитрий молча повернул руль, его костяшки побелели от напряжения, челюсти сжались так туго, что мышцы на скулах заходили мелкой дрожью.

– Кажется, вот оно, – произнёс Дмитрий с хрипом, сбавляя ход.

Дорога исчезла, как будто растворяясь в небытии. Вместо неё перед ними раскинулось влажное чёрное болото, в котором колёса шлёпали с глухим звуком. И из этого болотного тумана начали проступать избы. Они стояли криво, как будто вбиты в землю под неестественным углом. Окна были слепыми, затянутыми пылью и паутиной, но Вере почудилось, что в щелях между ставнями мелькнуло бледное пятно, но лица она не разглядела.

Дорога вилась между покосившимися заборами и заросшими бурьяном дворами, где когда-то кипела деревенская жизнь. Теперь лишь редкие трубы торчали из крыш, как надгробные кресты, а окна зияли чёрными провалами. Воздух, проникающий через приоткрытое окно, нёс запах прелой листвы, сырой земли и чего-то неуловимо гнилостного – того особого аромата забвения, который источают умирающие места. Дорога шла всё глубже в болото мёртвой природы, а воздух становился всё тяжелее, точно его кто-то сжимал в тисках. Ужас заползал в автомобиль, как ледяные пальцы, скользящие по спине. Каждый метр, каждый поворот уносил их всё дальше от прошлой жизни.

Дом, казалось, материализовался перед ними внезапно, будто вынырнул из серой мглы. Двухэтажное строение стояло чуть в стороне от остальных домов, как одинокий страж на окраине деревни. Краска облупилась длинными полосами, обнажая потемневшее дерево, крыша провисла под тяжестью запустения. Окна смотрели тёмными глазницами, отражая свинцовое небо. Вера вглядывалась в этот дом, который должен был стать их убежищем от городских воспоминаний, и чувствовала, как что-то холодное и липкое расползается в груди.

Раскаты грома прокатились над ними, перекрыв звуки двигателя, и в тот момент, когда молния разорвала небо, Вера заметила фигуру, точнее тень в окне одного из соседних домов. Тень не двигалась, она лишь стояла, как зловещая фигура, размытая в полутьме. Вера дёрнула плечами, сердце забилося учащённо, как будто в ритме той самой тревоги, которая гнала их из города.

Двигатель заглох с судорожным вздохом, и наступила тишина, настолько плотная, что в ушах зазвенело. Дмитрий не спешил выходить, его дыхание стало неровным. Вера повернула голову и посмотрела на мужа – впервые за эти бесконечные часы пути. Профиль мужчины казался вырезанным из камня, но в уголках глаз дрожали мелкие морщинки, выдавая внутреннее напряжение.

Тишина здесь не означала отсутствие звука, это была искажённая тишина, которая заставляла кожу покрываться холодным потом. Не пели птицы, не стрекотали кузнечики. Только гул, какой-то низкочастотный, исходивший, казалось, из-под земли, входивший не в уши, а прямо в кости. Он вызывал тошнотворную вибрацию в зубах, как бы напоминая, что они здесь, среди этого зловещего безмолвия, не одни.

– Приехали, – прошептал он, и даже это слово прозвучало как приговор.

Вера первой покинула автомобиль, ноги подкашивались от долгого сидения. Холодный воздух укутал лицо, принесся с собой запах мокрой земли и что-то ещё, что-то древнее, затхлое, как будто дыхание давно забытых могил.

– Может, тут кладбище рядом, – прошептала женщина и подняла глаза на дом. Ей показалось, что здание наблюдает, изучая новых обитателей своими пустыми глазницами окон. – Давай уедем отсюда, Сейчас же.

Каждая клетка тела кричала об опасности, но Дмитрий смотрел на дом, и в его глазах читалось нечто помимо страха. Это было болезненное влечение. Это место соответствовало его внутреннему состоянию. Оно было таким же разбитым и безнадежным.

– Куда мы уедем, Вера? – тихо спросил он. – Мы уже никуда не можем уехать.

Мужчина открыл багажник, и его руки задрожали, когда он увидел картонные коробки. Каждая была подписана его аккуратным почерком: «Игрушки Ильи», «Одежда Ильи», «Книги Ильи». Имя сына, написанное его рукой, резануло по глазам, и он поспешно отвернулся, хватая первую попавшуюся коробку. Вера взяла самую маленькую – ту, где лежали самые дорогие для неё вещи. Её пальцы гладили картон, будто пытались почувствовать, что внутри что-то шевелится, отвечает на её прикосновение...

Территория брошенной деревни «Журавли», казавшаяся некогда живой и довольно протяжённой, теперь продавалась под застройку частными домами. Вера и Дмитрий, жаждущие нового начала, купили этот участок с постройкой в надежде на светлое будущее, мечтая об уютном уголке, где наконец-то смогут обжиться. Сосед по участку уже успел снести старый дом и завести стройматериалы, готовясь к новому началу. Молодая семья с ребёнком приобрела дом напротив, но, по всей видимости, их слишком занимала суeta с малышом. Они не могли уделить время обустройству. Пока старенький покосившийся дом, что стоял на краю деревни, оставался в одиночестве.

Дверь дома открылась со скрипом, который, казалось, эхом отдавался в каждой комнате, как предвестник чего-то жуткого и неотвратимого. Половицы заскрипели под их ногами, будто дерево жаловалось на вес новых хозяев, на их незваное вторжение в этот забытый уголок мира. Воздух внутри был густым и тяжёлым, пропитанным запахом плесени и давно отжившей жизни. Пыль взвихрилась в тусклых лучах света, проникающих через грязные окна, создавая причудливые танцующие фигуры, которые казались живыми. Вера осторожно поставила коробку в центр комнаты и огляделась.

Комната была просторной, но безжизненной и пустой. Голые стены, обтянутые паутиной, несколько предметов старой мебели, покрытой белыми чехлами, как саваном, скрывающим тёмные тайны. В углу стояла деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Её перила были покрыты слоем пыли, как будто никто не прикасался к ним веками. Дмитрий прошёл мимо неё, не поднимая глаз, словно чувствовал, что там, наверху, скрыт какой-то ужас, с которым они не готовы столкнуться. Мужчина поставил свою коробку рядом с женой. Шорох картона о деревянный пол показался им обоим слишком громким в этой мёртвой тишине.

Вера ощутила, как холодок пробежал по спине. Будто кто-то невидимый наблюдал за ними из уголка, из тени, которая пряталась в глубине комнаты. Она обернулась, но никого не увидела. Только старые вещи, забытые временем, которые, казалось, шептались между собой что-то неразборчивое.

– Давай, Вера, – сказал Дмитрий, стараясь скрыть собственный страх. – Нам нужно разложить вещи. Это наш новый дом, и мы должны сделать его уютным.

Его голос звучал неестественно, как будто он говорил не с ней, а с пустотой, которая окружала их. Вера кивнула, но её сердце забилося чаще. Она знала, что это место не простое. Оно хранило в себе воспоминания, и они были полны горя.

Поднимая коробку, женщина остановилась, не в силах отвести взгляд от лестницы. Тень в углу комнаты, казалось, стала чуть более выразительной, как будто кто-то там стоял, наблюдая за ними из-за завесы пыли. Она сделала шаг назад, её ноги почти не слушались.

– Детская наверху, – сказал он, и голос прозвучал хрипло, будто он не говорил уже много дней.

Вера кивнула, не доверяя своему голосу. Подняла коробку, прижимая к себе как щит, и направилась к лестнице. Каждая ступенька стонала под её весом, дерево скрипело и прогибалось как живое. Муж остался внизу, его силуэт застыл в дверном проёме, как статуя, не способный унять нарастающее чувство тревоги, что витало в воздухе.

Детская находилась в конце коридора второго этажа. С каждым шагом Вера испытывала нарастающее ощущение холода, окутывающее её душу и скользящее по спине. Дверь была слегка приоткрыта, и оттуда веяло особенным холодом, точно в комнате замёрзло всё живое. Будто невидимая рука тянула её обратно, но ноги ступали уверенно, ведомые непонятной необходимостью. Когда Вера толкнула дверь, та открылась с тихим скрипучим вздохом. Комната была небольшой, но светлой. Два окна выходили на восток, и даже в этот серый день свет здесь был ярче, чем в остальной части дома. Посередине комнаты стояла детская кровать, покрытая тем же белым чехлом. У стены – небольшой комод, а рядом с окном – стул, на котором можно было сидеть, качая ребёнка. Вера поставила коробку на пол и медленно стянула чехол с кровати. Дерево под ним оказалось тёплым на ощупь, отполированным до блеска.

Женщина опустилась на колени и открыла коробку. Первым её взгляду предстал маленький красный грузовичок с отколотой краской на кабине. Пальцы Веры дрожали, когда она брала его в руки. Этот грузовичок был любимой игрушкой Ильи, он возил его везде, даже в ту последнюю поездку...

Вера резко встала, прижимая игрушку к груди. Дыхание участилось, в районе солнечного сплетения что-то сжималось, не давая вдохнуть полной грудью. Она подошла к окну и поставила игрушку на подоконник, аккуратно развернув его так, чтобы кабина смотрела в комнату, будто маленький шофёр мог видеть всё происходящее.

Следующим был плюшевый кролик, у которого одно ухо было короче другого. Илья называл его Ушастиком и никогда не расставался с ним. Вера прижала кролика к лицу и вдохнула. Слабый запах детского мыла и того особенного аромата, который бывает только у детей, всё ещё держался в мягкой шерсти. Её глаза наполнились слезами, но женщина не позволила им пролиться. Вместо этого она осторожно посадила кролика в кровать, поправила его ушки и прошептала:

– Ушастик будет ждать тебя здесь, солнышко. Он не уйдёт, обещаю.

Голос звучал в пустой комнате странно – слишком громко и в то же время потерянно. Дом будто поглощал звуки, делал их плоскими и безжизненными. Вера вернулась к коробке и достала детскую одежду – рубашки, штаны, носочки. Каждый предмет она разглаживала, прижимала к себе, а потом аккуратно развешивала в старом платяном шкафу. Ткань пахла стиральным порошком и детством, и эти запахи были единственным, что осталось живым в этой мёртвой тишине.

Внизу слышались шаги – Дмитрий нёс остальные коробки. Звук его шагов доносился приглушённо, как будто он ходил где-то очень далеко. Вера услышала, как он остановился у подножия лестницы, и замерла, прислушиваясь. Но звуки шагов не поднимались выше – муж остался внизу.

Женщина достала последний предмет из коробки – синий ингалятор Ильи. Пластик был потёртым от постоянного использования, а на корпусе были едва заметные следы детских зубов. Вера знала каждую царапинку на этом устройстве, помнила, как покупала его в аптеке, как объясняла Илье, что это не игрушка, а лекарство, которое поможет ему дышать. Она поставила ингалятор на тумбочку рядом с кроватью, и он показался ей священной реликвией в этом импровизированном святилище. Синий пластик отражал тусклый свет, и Вере показалось, что он пульсирует, как живое сердце.

– Прости меня, мой хороший, – прошептала она, опускаясь на колени рядом с кроватью. – Прости, что мамы не было рядом. Прости, что я не смогла тебя защитить.

Слова вырывались из её груди с болью, каждое слово было как осколок стекла в горле. Дом вокруг скрипел и стонал, как будто отвечая женскому горю. Где-то внизу хлопнула дверь, и Вера услышала, как муж вышел из дома. Тишина стала ещё более гнетущей. Вера поднялась и подошла к окну. Внизу, в стороне от дома, виднелось строение, которое было гаражом. Дмитрий открыл ворота и исчез внутри. Свет в гараже не зажёгся, видимо Дмитрию требовалась темнота...

Дверной проём детской комнаты жёг взгляд Дмитрия, будто раскалённым железом. Он стоял в коридоре, слушая тихие звуки, доносящиеся из комнаты – шорох бумаги, скрип половиц, приглушённый шёпот жены. Каждый звук был ударом молотка по гвоздю, который вбивали прямо в его сердце. Он не мог войти туда. Не мог увидеть, как Мария расставляет игрушки их сына, как создаёт этот музей боли. Вместо этого он повернулся и пошёл прочь, его шаги гулко отдавались в пустых коридорах дома.

Гараж был отстроен отдельно от дома, как будто кто-то намеренно хотел его отделить от жилых помещений. Мужчина толкнул тяжёлые деревянные ворота, и они открылись с протяжным скрипом, громким и жужжащим, разносясь эхом в тишине, как предсмертный стон. Внутри пахло машинным маслом, ржавчиной и чем-то ещё, чем-то металлическим и острым, что щипало ноздри, вызывая мрачные предчувствия. Этот застарелый запах казался одновременно знакомым и чуждым, будто он принадлежал не этому времени, а какому-то забытому рассказу, зажатому на страницах трагической истории. Пол был испачкан бурыми следами, напоминающими застывшую кровь, создавалось впечатление, что здесь происходило нечто ужасное и зловещее.

Посередине гаража, будто застывшая статуя, стояла их машина. Та самая, в которой они ехали в больницу той проклятой ночью. Капот был помят, на нём виднелись следы удара о дерево, следы, что напоминали о моменте, застывшем на грани боли и страха. Эта грань манила, как воронка, созданная тьмой. Затягивала физическая реальность, в ней заключалась вся тяжесть их совместной утраты, их общей вины.

Дмитрий прошёл к машине, его шаги раздавались в пространстве гаража глухо, как аккорды, взятые на старом пыльном и расстроенном фортепиано. Он положил ладонь на холодный металл, и в этот момент его охватило странное чувство, некая паранойя. Под его пальцами металл казался живым, пульсирующим, как будто в нём билось больное сердце. Это было не просто ощущение, а чувство предательства. Как будто тот несчастный автомобиль хранил в себе все вспышки страха и боли, которые он отдавал своему хозяину.

В этот момент в голову вонзились воспоминания. Он слышал голоса, исходящие откуда-то из самой машины. Будто через толщу времени воздух наполнился гулом прошлого. Звуки шептали о грехах, о незаслуженных шансах, о чистоте детской улыбки, которая теперь была лишь призраком. Дмитрий, как под гипнозом, замер. Потянулся к водительскому сидению, пальцы коснулись затянутой пылью обивки. Вдохнув, он уловил тонкий аромат, чуть заметный, но проникающий в душу. Он закрыл глаза, но увидел только мрак, надвигающийся наперекор светлым желаниям, он пылал в сознании, встречая бездну.

И вот тогда в глубинах его разума всплыло воспоминание. Его накрыли крики, агония, страх, наполненный тёмным предчувствием, будто они всё ещё ехали, и время размывало пределы, размывало краски, в которых они когда-то искали надежду. Он застонал, и ладонь дрогнула выпуская морок. Воздух в гараже сгущался, становясь вязким, зловещим, как сон, который не даёт покоя. Стены, будто ожившие, начали сжиматься, забирая своего гостя в чёрную пустоту, полную призраков воспоминаний. «Надо бежать». Но он не мог...

Дмитрий открыл капот и уставился на двигатель. Чёртов двигатель, который забарахлил в самый критический момент, когда каждая секунда была на вес золота. Дмитрий помнил, как крутил ключ в замке зажигания. Помнил, как умолял машину завестись, как проклинал себя за то, что не свозил её в сервис, как собирался. Из кармана куртки он достал бутылку водки, плоскую фляжку, которую купил ещё в городе. Стекло было холодным и гладким как лёд. Он открутил крышку и сделал первый глоток. Алкоголь обжёг горло, но эта боль была ничем по сравнению с тем пожаром, который пылал в его груди.

Мужчина взял набор инструментов и начал проверять соединения. Его движения были хаотичными, лишёнными логики, он просто перебирал детали, откручивал и закручивал болты, как будто это могло что-то изменить. Руки дрожали, то ли от холода, то ли от водки, то ли от той ярости, которая клокотала в нём, требуя выхода.

– Сволочь, – прошептал мужчина, обращаясь к двигателю. – Сволочь, почему именно в дороге? Почему именно тогда?

Его голос звучал в пустом и тёмном гараже глухо, будто тонул в машинном масле и пыли. Дмитрий сделал ещё один глоток и продолжил возиться с механизмом. В его движениях не было цели – только отчаянная потребность что-то делать, не думать, не помнить. Но память была беспощадна. Он видел перед собой лицо Ильи, бледное и напряжённое, слышал его хриплое дыхание, которое становилось всё более затруднённым. Мальчик сидел на заднем сиденье, прижимая к губам ингалятор, и смотрел на отца такими доверчивыми глазами, будто был уверен – папа всё исправит, папа довезёт его до больницы.

Дмитрий швырнул гаечный ключ в угол гаража, и тот звонко ударился о стену. Звук был резким, почти оглушительным в этой мрачной тишине. Он опёрся о машину и закрыл глаза, пытаясь унять дрожь в руках.

– Я убил его... – прошептал мужчина в пустоту. – Я убил собственного сына.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и давящие на грудь. Дмитрий открыл глаза и посмотрел на свои руки – те, которые держали руль, когда всё случилось. Они казались ему чужими, принадлежащими убийце. Мужчина снова взялся за инструменты, но эти потуги не приносили облегчения. Каждая деталь двигателя напоминала о той ночи, каждый звук металла о металл отдавалась в его голове воспоминаниями. Водка притупляла боль, но не убирала совсем – она просто делала её более размытой, более тягучей.

Время тянулось медленно, как замершее во льду. Дмитрий не знал, сколько прошло часов, пока он возился в гараже. Бутылка водки опустела наполовину, а тьма сгущалась. Он, наконец включил тусклую лампочку, которая висела над верстаком, и жёлтый свет сделал всё вокруг ещё более мрачным.

Из дома доносились приглушённые звуки – Вера продолжала свой ритуал в детской комнате. Дмитрию казалось, что он слышал, как она ходит по комнатам, как переставляет что-то, как разговаривает сама с собой. Её голос хоть и не был слышен, но в нём чувствовалась такая боль, что у Дмитрия сжималось сердце. Он понимал, что должен пойти к ней, поговорить, попытаться утешить. Но он не мог. Не мог видеть её боль, потому что она отражала его собственную вину. Каждый раз, когда он смотрел на Веру, он видел в глазах обвинение. Жена не произносила его вслух, но оно читалось в каждом взгляде.

Дмитрий сделал ещё один глоток и вернулся к двигателю. Движения стали совсем неуверенными, инструменты выскальзывали из рук. Алкоголь делал своё дело, но боль никуда не

уходила – просто становилась более тупой и всеобъемлющей. В доме стало тише. Вера закончила свой ритуал и теперь, видимо, просто сидела в детской комнате, окружённая воспоминаниями. Дмитрий представил её там, одинокую, среди игрушек их мёртвого сына, и ему захотелось кричать от бессилия.

Дом вокруг них начал оживать с наступлением темноты, будто бы сам по себе проходил через медленный и мучительный процесс перерождения. Лёгкий ветерок за окнами нарастал в штормовые порывы, будто таинственный посланник, приносящий мрак и шёпоты забытых историй. Старое дерево скрипело и стонало, будто здание дышало, вдыхая и выдыхая воздух сквозь щели в стенах, воруя каждую каплю света и надежды. Звуки были тихими, почти неслышными, пришедшими из недр дома, как воспоминания, которые стараются вырваться на поверхность, но наталкиваются на бесконечную темноту. Они напоминали о давно забытых страхах, о ночах, когда каждая тень становилась призраком, а каждый шорох – предвестием беды. В мёртвой тишине деревни эти звуки казались громоподобными, разрывающими спокойствие.

С потолка сыпалась мелкая пыль, старыми воспоминаниями оседая на губах, и Женщина, сидевшая в комнате, внезапно ощутила холод, просочившийся в сердце. Этот холод навевал мысли о чем-то потустороннем, о чем-то, что наблюдало за ней, из потаённых уголков. Каждый скрип дерева казался не просто звуком, а выражением тайны, которую требовалось разгадать. Она сжала руки в кулаки, когда половицы под ногами заскрипели, будто кто-то невидимый шагнул по неровной поверхности. Было ощущение, что дом, это древний хранитель трагедий. И он пробуждался, переживал, воскресал. Его внутренности вздрагивали от долгого забвения. Он вновь был полон памяти и боли, которые помогали выстраивать зловещую симфонию.

Темнота сгущалась, заполняя комнаты, и Вера чувствовала, как её сердце забилося, отстукивая тревожный ритм. С каждым вздохом она начинала осознавать, что здесь закрыты, не только тени, но и ложные надежды. Где-то в глубине комнаты, в ограниченной видимости, что осталась после захода солнца, она могла бы поклясться, что кто-то смеялся в тишине, приглашая в бескрайнее тёмное море, и этот звук обжигал её, оставляя чувство, что, может быть, это было только начало чего-то ужасного.

Сжимающая в тисках нарастающая тревога перетекала в нечто более дикое, более плотное. Это было стремление уйти, сбежать, но ноги будто приросли к полу, как корни, уводившие в недра этого мёртвого дерева. Дом всё больше оживал, крепко хватая в свои объятия того, кто рискнул разбудить его мрачные силы. Но потом, все исчезло, будто и не было...

Вера сидела на краю детской кровати и смотрела на аккуратно расставленные игрушки. Каждая вещь была на своём месте, каждый предмет одежды висел в шкафу именно там, где должен был. Комната выглядела так, точно в ней жил ребёнок, как будто он просто вышел на минутку и вот-вот вернётся. Это ощущение было трогательным и угнетающим одновременно, даже настенные часы тихо отсчитывали мгновения, ожидая его возвращения. Ингалятор на тумбочке отражал свет лампы, и Вере казалось, что он пульсирует в такт её сердцебиению, будто в нём теплилась жизнь, которая хотела вырваться на свободу. Она протянула руку и взяла его в ладонь. Пластик был холодным на ощупь, но ей показалось, что под её прикосновением он слегка согрелся.

– Ты здесь, правда? – прошептала она в пустоту, голос звучал как искренний зов, полный надежды, к которой уже никто не присоединится. – Ты чувствуешь, что мама рядом?

Ответом была лишь тишина, застывшая в воздухе, как повисшая капля дождя. Каждый уголок комнаты будто оживал, шепча ненавистные слова врача. И в этом мрачном сумбуре Вера ощущала, как призрак её ребёнка касается её, как невидимое облако дыма, оставившее холодный след. Сердце колотилось, будто скоро разорвётся от напряжения, заполняя комнату тревогой и непонятным страхом. Она закрыла глаза, представляя себе, как нежная ручка вновь

обнимает её шею, как его смех раздаётся в воздухе, и лишь тогда, когда реальность разрушала этот обманчивый покой, она вновь открывала глаза.

На мгновение ей показалось, что в комнате что-то изменилось. Углы, казалось, потемнели, и в них поползли тени, как будто заслоняя свет от свечи. Она чувствовала, как холод сковывал её, захватывая каждую клетку тела, и в душе поселялась все нарастающая тревога. Что-то должно было произойти. Что-то, что зверски высасывало энергию из её тела. И когда за окном совсем разгулялся ветер, трясущимися окнами захрипел невидимый голос, который будто искал её.

– Пожалуйста, – прервала она звуки, голос был полон отчаяния. – Пожалуйста, вернись!

Дом ответил ей скрипом половиц где-то в коридоре. Женщина подняла голову и прислушалась, напряжение сковывало её тело. Звук повторился, медленный, осторожный, будто глухие шаги, которые крались по дому, пытаясь не шуметь, будто кто-то намеренно избегал лишнего внимания. Сердце Веры забилося быстрее, отзываясь на это таинственное присутствие, и она почувствовала, как мороз пробежал по коже.

Скинув странное ощущение с плеч, она поднялась и, сдвинув прядь волос с лица, подошла к двери. Каждое её движение было наполнено ожиданием, но на грани этого ожидания таился страх, как неведомый зверь за пределами восприятия. Коридор, в который она вышла, был пуст, мрачный, тихий, только тусклый свет от лампы на потолке прятался за несколькими слоями пыли, разрывая тьму.

Однако звуки продолжались. Скрип, пауза, ещё скрип. Это были не просто звуки, в них таилось что-то зловещее и притягивающее. Это было ощущение, будто в старом доме что-то шевелилось в густом мраке. При этом казалось, что маленькие ножки осторожно ступали по старым половицам, отзываясь на музыку дома, обращаясь к его мрачным тайнам, которые ждали...

Вера замерла на месте, и её внутренний голос нарастающим страхом шептал, что это игра её разума, что в этом забытом уголке не может быть ничего. Но что-то внутри неё не позволяло отстраниться, как будто таинственная сила тянула в свою тьму.

– Илья? – позвала женщина тихо, и голос задрожал от надежды, заставляя тишину вокруг стать ещё более тяжёлой.

Резонируя с тенью, эта просьба разлетелась по пустым комнатам дома, но в ответ звуки стихли. Вместо ожидаемого отклика воцарилась тишина, ещё более гнетущая, чем прежде.

Вера вышла в коридор и посмотрела в сторону лестницы. Там никого не было, только тени, разрывающиеся между досками и старыми обоями. Но ей показалось, что в воздухе висит что-то, какое-то неопределённое присутствие, которое нельзя увидеть, но можно почувствовать.

Она вернулась в детскую и закрыла дверь, надеясь запереть все страхи, обещая самой себе ложное чувство безопасности. Комната сразу стала теплее, уютнее, как будто она спряталась в убежище, где сама атмосфера отгоняет тьму и нежно укрывает в ловушке воспоминаний. Вера опустилась на стул рядом с кроватью, её плечи расслабились, несмотря на не отпускающую тревогу. Она взяла в руки плюшевого кролика. Его мягкая шерсть успокаивала, моментально погружая её в сладкие воспоминания о тех вечерах, когда она читала Илье сказки, а он, урча, как пушистый котёнок, засыпал у неё на руках. Его спокойное дыхание нежной мелодией заполняло комнату. Вера чувствовала, как крепко держит кролика, будто тот мог вернуть её в те моменты, когда всё было правильно, и надежда ещё не умирала.

– Мама здесь, – шептала она, покачиваясь на стуле, будто заигрывая с тенями вокруг. – Мама всегда будет здесь. Обещаю.

Эти слова были не столько утешением, сколько походили на молитву, обращённую к тёмным углам, которые отзывались мрачным эхом. Комната была наполнена невидимой атмосферой, заставляющей волосы на затылке дрожать. Тишина окружала, как осенний вечер, а отра-

жение света на кролике казалось очень странным. Он будто и не был игрушкой, он напоминал о стыке между мирами, где она могла быть матерью и ждала своего малыша.

По мере того как ночь становилась глубже, звуки смолкали, и создавалось ощущение, что она осталась одна в этом мире. Вера вновь посмотрела на пустую детскую кровать, и сердце ёкнуло, как если бы её ожидания привели к мечте о том, что тьма не сможет забрать её сына. Но чем дольше она сидела, тем больше становилось очевидным то, что дом скрывал свои собственные секреты. Тяжёлое молчание напрягало воздух. И плюшевый кролик, как хранитель, держал её в губительном ожидании, упрямо напоминая о том, что находится за пределами её понимания.

Будто в ответ на её утешительные слова, в стенах послышался едва различимый шёпот, высокие частоты, забирающиеся в уши, дерзкие и почти невыносимые. Вера сжала кролика крепче и побежала к окну, но там лишь темнота, опустившаяся на деревню...

Где-то внизу хлопнула дверь. Дмитрий вернулся из гаража. Вера услышала его неровные шаги, разбивающиеся о пол. Запах алкоголя шипел в воздухе, проникая в её сознание и пресекая остатки ясности. Эта смесь машинного масла и горечи воспоминаний залила коридор, принуждая Веру затаить дыхание. Он остановился у двери детской. Было слышно его дыхание, немного учащённое. Вера почувствовала его присутствие, даже не поворачивая головы, будто невидимая нить связывала их души навеки, удерживая между ними эту зловещую тишину. Она почти могла увидеть его страх, расползающийся по тёмным углам сознания, смешивающийся с покаянием и безмолвной виной.

– Вера, – позвал он тихо, и её сердце сжалось от дрожи. Это был не тот сильный Дмитрий, которого она знала, этот голос был чужим, сломленным, переполненным ожиданием чего-то, что уже никогда не вернётся.

Жена не ответила. Не могла. Между ними стояла стена боли, сросшаяся с их жизнью, созданная разрушительными словами и незаживающими ранами. Эта преграда была болезненным символом того, как использованные чувства ввергли их в такой мрак. Теперь эти тени перемешивались с лунным светом, не позволяя радости пробиться через них.

Дмитрий постоял ещё немного, колеблясь на грани, что-то ища во мраке. Но он так и не нашёл ничего. Вера даже почувствовала, как его страх пытался пробиться к ней. Но собственный страх потерять частичку себя, удерживал её от ответа. Дверь, которую он чуть приоткрыл, закрылась с тихим щелчком, резонирующим в её сознании, как последний гвоздь в крышке гроба. Вера осталась одна со своими воспоминаниями, которые обнимали её крепко, заставляя дыхание становиться тяжёлыми, а грудь сжиматься от боли. Казалось, комната загустела, как если бы она сама замерзла в ожидании, внимая сложившемуся безмолвному накалу. Звуки из-за двери затихли, и лишь память о прошедших днях стучала в сознании, как напоминание о том, что когда-то было тихо и просто. Она смотрела в пустоту, пытаясь убедить себя, что он всё равно её любит, но мысли снова оказывались в ловушке, как те тени, что пробирались в закутки её разума.

Ночь опустилась на деревню, принеся с собой новые звуки, покрытые мрачной тенью. Дом скрипел и стонал, будто просыпался от долгого сна. Стены сгибались и разгибались, будто старались восстановить утраченную гибкость. Каждый треск напоминал о том, что эти стены когда-то были свидетелями радости и печали, но сейчас лишь освобождали страхи прошлого, медленно вырываясь навстречу безмолвным ночным теням.

Ветер шумел в старых деревьях, и этот шум был похож на шёпот, тихий, настойчивый, почти человеческий. Вера не спала. Она сидела в детской комнате, окружённая игрушками сына, их яркие цвета теперь казались непривычно блёклыми, выцветшими от времени и горечи утраты. Она слушала дыхание дома, которое дышало вразнобой, иногда замирая. Казалось,

здание живёт своей собственной жизнью, будто в нём существовала душа, которая питалась болью и воспоминаниями, переживая вместе с ней каждую каплю страха.

Время от времени она слышала звуки из спальни. Дмитрий ворочался в постели, стонал во сне. Вера знала, что его сны были полны кошмаров, этих мрачных и извивающихся теней, которые превращали её мужа в создателя своих собственных чудовищ. Они оба не могли спокойно спать с тех пор, как... с тех пор, как их жизнь, некогда полная счастья, погрузилась во мрак. Теперь она походила на неправильный хирургический разрез, который оставлял после себя пустоту и медленно загнивающую плоть.

Теперь комната казалась угнетающей, как отголосок света с тех дней. Крики Дмитрия из-за двери заставляли её содрогаться, нарушая уже едва наползающий трепетный сон. Она знала, что он был пленником своего кошмара, запертым в сеть бессонных ночей и чудовищных воспоминаний, внутри которых их утрата обрастала новыми образами, заматавая все тропинки к нормальной жизни.

Вера отогнала страшные мысли. Она не хотела думать о той ночи, когда мир рухнул. Не хотела вспоминать звонок из больницы, голос врача, который говорил ей, что они опоздали. Эти слова, которые с каждой секундой резали её сердце, пытались вернуться, навязчиво шепча о том, как жизнь может сокрушить надежду одной лишь фразой. Вместо этого она смотрела на игрушки и представляла, как Илья играет с ними, как смеётся. Его светлый смех заполняет комнату, как звонкий ручеек, несущий радость и беззаботность, как будто он просто зовёт её, чтобы он пришла и разделила светлый момент.

Дом дышал вокруг неё, его стены сжимались и разжимались в такт сердцебиению матери. Это дыхание было медленным и спокойным, но в нём проскальзывали цепкие нотки тревоги, будто сам дом разделял горечь утраты. Тени танцевали в углах комнаты, принимая неизвестные формы, неуловимые и таинственные. Иногда Вере казалось, что она видит среди них маленькую фигурку – мальчика, который тянет к ней руки, всё ещё ждущего её любви и заботы.

– Мама, – шептал голос, такой тихий, что его можно было принять за дыхание ветра. Того ветра, что шуршал сквозь дерево и оставался в боковых проулках дома, где звуки смешивались с тенями. Этот звук касался слуха так нежно, что она почти поверила, что это не просто иллюзия, что настоящий Илья всё ещё тут, в этом мире.

Женщина прищурила глаза, некоторое время ища возможности разглядеть живое воспоминание среди тёмных фигур. Она вдыхала воздух, пропитанный запахом старого дерева и детских радостей, и надеялась, что этот аромат может вернуть тот момент, когда её сын был жив. Но всё, что она видела, это игра теней, дразнящих её, показывающих скрытое, но оставшееся за пределами восприятия.

Голос был реальным, она была в этом уверена. Не просто эхом тысяч недосказанных слов и не отражением её собственных страхов, это был Илья. Илья был здесь, с ней, в этом доме, который стал их общим убежищем, несмотря на всю боль и утрату, что его наполняли. Этот дом был построен на воспоминаниях, и, казалось, каждый уголок хранил нечто особенное, что связывало её с сыном.

Часы на тумбочке показывали три утра, когда Вера услышала новый звук, тихий кашель, который доносился из кровати. Сердце замерло. Этот кашель, она знала лучше всех звуков на свете, хриплый, затруднённый, такой знакомый. Не в силах принять происходящее, она замерла на месте, застыв в ожидании. Быть может, это всего-навсего её воображение, игра разума, наполнявшая её страхом. Но эта секунда, это мгновение тревожного молчания вовлекла её в бездну воспоминаний о том, как она нянчилась с ребёнком, когда он болел. Понемногу, её чувствительная память брала верх, когда она вновь услышала кашель, который резко растянулся, как призыв к помощи.

Она встала и медленно подошла к кровати, уверяя себя, что это просто игра воображения, очередное заблуждение, которым её так часто давит тёмная комната. В полутёмной ком-

нате, освещённой слабым светом, её шаги казались очень тихими, как будто местный мрак слушал каждое движение, выжидая, проникая в сознание.

Плюшевый кролик лежал на подушке, его стеклянные глазки отражали холодный свет, будто осколки зеркал, в которых скрывалась вся тьма этого дома. Будто эта игрушка стала неким маркером, следившим за всем, что происходило вокруг. Вера наклонилась к нему, стараясь отогнать нарастающие сомнения, и в этот момент ...

Кашель повторился, отчётливый, пронзительный, точно когти, царапающие душу, оставляющие смертельные раны. Вера почувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза, не от страха, а от безысходной боли, которая будто разрывала изнутри, обжигая каждый сантиметр тела. В комнате стало необычайно тихо, но эта тишина не была спокойной – она была напоена чем-то зловещим, насыщена присутствием, которого не видно, но чувствуется оно остро, как наточенный нож.

Вера медленно протянула дрожащую руку к кровати.

– Солнышко, – прошептала мать, голос дрожал. – Мама здесь, всё хорошо.

Но в ответ раздался лишь едва уловимый шорох, будто кто-то за стеной дёргает за нити невидимых теней. Кашель стих так внезапно, что казалось – как будто кто-то выключил звук, оставив комнату в гробовой тишине. Вера почувствовала, что рядом с ней есть кто-то – маленький, родной, но одновременно чужой. Кто-то, кто наблюдает за ней из тени, кто ждёт чего-то своего. Она взяла ингалятор с тумбочки. Пластик казался тёплым, будто только что его держали в руках. Казалось пальцы касаются чего-то живого. Женщина улыбнулась сквозь слёзы, впервые за много дней почувствовала хоть немного тепла.

– Теперь ты дома, – прошептал мягкий голос матери, который был наполнен тревогой.
– Теперь мы все дома.

Дом не просто стоял на этом проклятом клочке земли, он вырастал из него, как болезненная, гниющая опухоль. И с момента, когда новые владельцы переступили его порог, он начал дышать. Это был не метафорический вздох старого дерева, а медленный, влажный, животный процесс. Стены, испещрённые трещинами, как морщинами на лице старика, не просто хранили тепло, они его впитывали. Они жадно всасывали человеческое тепло, боль и, больше всего, страх. Каждая паутина в углу была не признаком забвения, а тонким, липким нервным окончанием живого организма, улавливающим малейшую вибрацию отчаяния.

В гараже, куда Дмитрий сбегал, чтобы спрятаться от громкой тишины, даже воздух был другим. Густой воздух, спёртый, отравленный парами бензина и алкогольным маревом. Он зажигал свет, но тьма за старыми покореженными дверями не рассеивалась, она сгущалась, становясь осязаемой. И это была не просто тьма. Это была тень. Невидимый груз, который тянулся из самых недр дома, из его тёмного сердца, подвала... чулана... чёрного хода между мирами...

Эта тьма не просто висела в воздухе, она впивалась в каждую щель гаража, сочилась из-под плинтусов, просачивалась сквозь бетон. Она ложилась на плечи Дмитрия мокрым, невидимым саваном, и он чувствовал её вес каждой клеткой всего своего существа. В тишине, передаваемой лишь его хриплым дыханием, слышался шёпот изнутри: «Бесполезно. Ты здесь. Теперь навсегда».

А в детской Вера творила своё святилище. Она расставляла фотографии в рамках, как другие расставляют свечи перед алтарём, пытаясь вызвать души умерших. Но дом извращал её чистые намерения. Прошлое в этой комнате становилось не утешительным призраком, а удушью реальностью. Тени за спиной не копировали её очертания, они жили своей жизнью. Они сгущались в углах, принимая знакомые, но до жути искажённые формы. Они шептались. Сначала это был едва уловимый шорох, похожий на скрип старых половиц. Но потом Вера начинала различать слова. Это были не истории, это были признания. Шёпот повествовал о

том, как здесь, в этом самом углу, ребёнок забился в истерике, забытый на сутки. О том, как в этой кровати старуха медленно задыхалась в одиночестве, слушая, как по коридору скребётся что-то, что притворялось её дочерью. Тени оживали не для того, чтобы утешить, а чтобы заразить её своей вековой, законсервированной в стенах болью.

Понимание приходило поздно. Понимание, леденящее душу до самого дна. Дом не был строением. Он был живым, затаённым существом, хищником, веками ждавшим в своей деревянной ловушке. Он не имел формы, но имел голод. Он не имел сердца, но имел пульс, тот самый, мерный, влажный ритм дыхания, что ощущается кожей, если прижаться к стене в полной тишине. Он ждал. Не просто чтобы кто-то вошёл в его мрак. Он ждал, чтобы мрак вышел из него и поглотил их без остатка, растворив их крики в своём древнем, ненасытном чреве. И самое страшное было осознавать, что двери теперь бесполезны, потому что ужас уже не снаружи. Он внутри. И он смотрит на тебя из каждой трещины, дышит в затылок и шепчет прямо в сознание, что спасения нет. И никогда не было...

Где-то в стенах, в щелях между досками, в пространстве между прошлым и настоящим, что-то другое тоже просыпалось, что-то голодное и страшное, что ждало новых жертв для своего бесконечного пиршества боли. Эта сущность, проникающая в каждый уголок дома, будто предвкушала момент, когда доверчивые сердца переступят порог, готовясь стать частью жуткой симфонии.

Его дыхание было невидимым, но ощущалось остро, как холодный нож, пронзающий кожу, всего лишь малейшее касание, но оставляющее за собой глубокие порезы, от которых невозможно избавиться. Оно занимало целый мир, заполняя пространство между старыми стенами, усеивая жильцов тёмными мыслями о том, что здесь когда-то произошло. Каждый звук был ему знаком, каждое слово, как сладкая мелодия, соблазняющая к тому, чтобы вновь напомнить о себе. Лишённый человеческого облика, этот холодный мрак ждал, затаившись в тени и наблюдая за новыми жильцами, глухими к его невыразимому присутствию. Пока...

Каждая трещина, каждый угол в доме становились его ртом, жадно поглощающим тишину и свет, чтобы напиться своей вечную жажду страха. Ветер, проникающий через обветшалые окна, превращался в крик, жалобный, иногда тихий, но наполненный болью, той, что терзала даже стены. Он всасывал счастье, ощущая, как оно исчезает, растворяясь в непроглядной тьме. Стены превратились в его орудие пытки, каждая щель служила ему проводником, каждая доска хранила его ужас.

Жители дома не подозревали о том, что их жизни танцуют на грани, что их смех и разговоры лишь подогревают неутолимый голод этой древней сущности. С каждым днём, когда они пропускали мимо свои страхи, забывались в рутине и заботах, она медленно подбиралась ближе, плотно обвивая вокруг них свои невидимые щупальца. Она ждала не только физического страха, ей нужны были слезы, отчаяние, сожаление и безумие.

Ночью, когда свет угасал и тьма наполняла комнату, её присутствие становилось особенно ощутимым. Она заползала в души, вытягивала из них свет и оставляла лишь тень. Эти тени шептали, погружая в сон, снилось что-то или нет, становилось неважным. За пределами спокойного дыхания, за пределами мирных снов, она ждала, когда им будет нанесён удар.

Рассвет был серым и холодным, как приговор. Небо – будто тленное полотно, залитое тусклой краской разочарования. В этом мрачном свете дом казался ещё более заброшенным, забытым, точно его стены хранили не только тень, но и что-то гораздо худшее – древнюю сущность, что жила в его недрах, ожидая своей очереди и готовясь к пробуждению.

Вера проснулась в кресле, шея болела от неудобной позы, а во рту был привкус меди – горький, вязкий, будто кровь, которая застыла в горле. Взгляд медленно расплывался по комнате, наполненной глухой тишиной, которая была тяжёлой и сдавливающей. В доме даже воз-

дух показался пропитанным страхом – он висел тяжёлым туманом, наполнял каждую трещину и каждую деревяшку, словно отравленный пар, исходящий из забытых глубин. И всё это – как напоминание о том, что внутри, за стенами, что-то неуклонно просыпается...

Шелест за стеной – тихий, едва уловимый, но пробирающий страхом до костей. Казалось, в щелях кто-то шевелится, пытается выбраться наружу. Время растянулось, каждый миг становился всё более давящим, всё более жутким. В груди Веры забилась пульсирующая волна страха, и она чувствовала, как что-то голодное тянется, чтобы поглотить её целиком.

Что-то шуршало в тёмных уголках, кто-то шептал и звал голосом, как напоминание о давно забытых ужасах, о боли, которая никогда не исцелится. Каждая тень – это лицо, каждое шуршание – крик из глубин бездны, и всё внутри Веры кричит, чтобы сбежать, скрыться, закрыть уши и глаза, потому что это не просто дом... Это сердце, тёмное ядро, где укрыта бездна, которая поглощает всех, кто осмелится приблизиться.

Вера чувствовала, как что-то ещё – что-то очень старое, очень злое – начинает просыпаться, наполняя пространство между стенами зловещим присутствием. С каждым мгновением дом становился всё более живым, всё более зловещим...

Женщина поднялась, медленно, будто боясь раствориться в тени, подошла к окну. Внизу, в утреннем мраке, зиял гараж – чёрная пустота, из которой доносился приглушённый грохот инструментов, как шёпот душ, запертых в железных стенах. Звук был тяжёлым, глухим, и казалось, будто воздух внутри гаража пропитан кровью, сочащейся из незримых ран машины. Дмитрий уже встал, снова возился с автомобилем, его руки дрожали. Он пытался починить что-то, что никогда не поддастся восстановлению. Оно неумолимое и зловещее, сметающее всё на своём пути.

Вера взглянула на игрушки, аккуратно расставленные по комнате. В утреннем свете они казались безжизненными. Но ночью, когда тьма сгущалась, они словно оживали – шептали, шевелились, и казалось, что в любой из них таились глаза, наблюдающие за каждым движением. Эти безмолвные свидетели страха, хранители тайн, которые стоило бы спрятать в самый дальний угол, наводили холодную дрожь.

Она взяла ингалятор, крепко прижала его к губам, будто пытаясь почувствовать дыхание сына – его последний, едва уловимый вздох. Внутри всё сжалось, сердце застыло, и в воздухе повисла зловещая тишина, наполненная невидимыми угрозами. Казалось, что сама комната дышит, наполняясь холодом и ужасом, ожидая момента, чтобы выпустить кого-то наружу...

Дом скрипнул где-то в глубине, и Вера подняла голову, ощутив, как кровь стынет в жилах. Этот звук был тихим, едва слышным – точно шёпот из-под земли, пробирающийся сквозь трещины и гнилые стены. Но в нём таилось что-то новое, что-то зловещее: будто старое здание, живое и злобное, начинало принимать их, впитывать их страхи и тьму, будто оно было не просто домом, а древним существом, жертвой своих ужасных тайн.

Женщина не знала, что этот дом видел и слышал уже много таких историй – шёпоты, плач, крики, исчезающие в бесконечной тьме. Не знала, что когда-то на этом месте было кладбище – место, где хоронили детей, умерших от болезней и несчастных случайных смертей, и что земля здесь пропитана их слезами и ужасом. Стены дома, выросшие в землю, впитали в себя боль, страх и безумие тех, кто слишком рано ушёл, их голоса шепчутся в коридорах, в старых чердаках и подвалах, ожидая, чтобы кто-то услышал их последний крик.

Вера чувствовала только одно – в этом доме есть присутствие сына. Это было единственное, что имело значение в её разрушенном мире – ощущение его присутствия, которое пронзало до глубины души, вызывая дрожь и бессилие. А что-то иное, зловещее и невидимое неотступно следовало за ней, наполняя комнату холодом и тяжестью.

Дом обнимал супругов холодными, зловещими руками, пропитанными запахом гнили, сырости и забвения. Каждая доска, каждая царапина – свидетельство бесчисленных страданий затерянных в его затхлой памяти. Стены шептали на языке прошлых ужасов, их трещины

казались рваными ранами, через которые вгрызалась тьма, впитывая в себя всё: слёзы, страхи, смерть... В этом доме было что-то одновременно утешительное и зловещее. Он обещал им покой, будто мать, убаюкивающая умирающего ребёнка, мягко, но с холодным, чужим укором. Он шептал: «Здесь безопасно», – хотя каждый вздох, каждый скрип пола говорил иное.

За этим покоем скрывалась цена. Страшная, невидимая и неосознаваемая цена. Дом просил их оставить свои страхи, свою боль и свою свободу, чтобы стать частью его бесконечной истории боли и потерь. Солнце поднималось над деревней, медленно пробиваясь сквозь облака. Его тусклый свет ложился длинными, искажёнными тенями на покосившиеся заборы и заросшие дворы, придавая всему шершавому пейзажу жуткий облик. Казалось, мир вокруг продолжал свой привычный бег, но для Веры и Дмитрия время остановилось в тот ужасный момент, когда они потеряли сына.

Глава 2. Голоса из-под половиц

Следующая ночь накрывает дом густой, ли

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.